

Э. М. Ислямов

Письменная традиция о Митридате VI Евпаторе

Автор статьи предлагает историографическое исследование разных направлений в письменной традиции о Митридате VI Евпаторе. Подчеркивается традиционное выделение понтийской и римской линий, вписывающихся в контекст противоборств двух держав. Творчество писателей подчинялось необходимости отображения политических обстоятельств и реалий. Главное отличие римской и понтийской письменных традиций – тенденциозное освещение событий в пользу той или иной стороны. На фоне преобладания этих традиций автор обращает внимание на относительную самостоятельность отдельной греческой традиции, представленной в сочинениях Страбона и Мемнона.

Ключевые слова: Митридат VI Евпатор, Понт, Рим, античная письменная традиция.

Известнейшая эпоха митридатовых войн привлекает к себе внимание как просто интересующихся историей людей, так и профессиональных историков, специалистов в данной области, что, безусловно, связано с исторической эпохой и личностью понтийского царя Митридата Евпатора. Уникальность личности Митридата подчеркивается также тем, что его имя в творческой культуре Европы, стоит в ряду с такими личностями как Александр Македонский, Гай Юлий Цезарь и др. Интерес подогревается и особым характером митридатовых войн, нашедших отражение в античной письменной традиции, посвященной военной истории, развитой затем в историографии нового и новейшего времени. В значительной степени научный интерес к тематике митридатовых войн, к личности Митридата, к характеру Понтийского царства вырос в связи с изучением истории Римского государства и эллинистических держав – наследниц империи Александра Македонского (Т. Моммзен, К. Белох). Впоследствии он выделяется в особые студии (или исследовательскую школу) Понтийского царства, рассматривающие экономические и социальные особенности, характер внешней и внутренней политики, династическую историю и культуру этого государства.

Отечественные историки (С. А. Жебелев, М. И. Ростовцев, В. Ф. Гайдукевич, Е. А. Молев и др.) занимались изучением Понтийской проблематики во многом через призму исследований античной истории Северного и Восточного Причерноморья и конкретно Восточного Крыма, оказавшегося в этот период в границах активной международной политики [19, с. 11]. Митридат Евпатор выступал как правитель, проводивший активную всепонтийскую (панпонтийскую) политику, объединяя все греческие города-государства Причерноморья, а также и ближайшие варварские политические образования в одну Черноморскую державу. Знаковым является появление содержательной монографии С. Ю. Сапрыкина, посвященной истории и культуре Понтийского царства, и, таким образом, создавшей основу для дальнейших исследований различных вопросов истории Причерноморья времени существования государства Митридатидов [18, с. 207].

Одними из последних работ на данную тему стали исследования российских историков О. Л. Габелко, К. Л. Гуленкова, Е. В. Смыкова, что показывает ее современную актуальность. Характер работы, обобщающей международный опыт в изучении понтийской проблематики и одновременно констатирующей разноплановость исследуемых задач, имеет сборник статей «Митридат VI и Понтийское царство», изданный в рамках Black Sea Studies [28]. Кроме того, широкий круг исследовательских рефлексий относительно античности, средних веков и других периодов, который затрагивается в последнее время на конференциях, посвященных древней военной истории Украины и Крыма [7], дает возможность обсудить дополнительно и некоторые особенности литературного и научного отражения «митридатового» времени. Исследовательская *задача* настоящей статьи – рассмотреть историко-историографический портрет Митридата VI Евпатора, некоторые события, связанные с его личностью; показать возможность исследования отдельного направления в письменной традиции о нем, остававшееся по определенным причинам в тени. Таким образом, настоящая статья носит преимущественно историографический характер.

Если составлять условную схему историографии данной проблематики, то её можно разделить на ряд условных периодов, привязав их для удобства характеристики к превалирующим исследовательским вопросам. Подчеркнем, что такие периоды-характеристики представляют условное разделение, так как исследователи детально рассматривали лишь конкретные, наиболее интересующие их вопросы, остальным же давали общее определение. Соответственно, первоначально они обращались к династической и внешнеполитической истории понтийских правителей (Т. Моммзен, Б. Низе, Э. Мейер, Т. Рейнак, Ф. Гейер, Д. Меджи). Это также обуславливалось определенной методикой, когда исследования сводились к обработке и анализу первоначальных данных имеющихся источников. Но это несколько не умаляет фундаментальность работ данного периода, в которых был сделан как критический анализ письменных источников, так и сведены воедино нумизматические, эпиграфические данные того периода. Очередным этапом в проблематике исследований становится социально-экономическая история территории Понтийского царства, требующая широкого привлечения археологических данных (М. И. Ростовцев, Э. Ольсхаузен, М. И. Максимова, Д. Б. Шелов, С. Ю. Сапрыкин). Данное направление связано с отходом от истории персоналий и переходом к истории общества. Следующий этап – обращение к культуре, религиозным и этническим составляющим социума в целом, как движущим и влияющим элементам исторического развития (Б. Макгинг, С. Ю. Сапрыкин) [9; 19]. На сегодняшний день можно наблюдать целый спектр различных направлений исследований (искусствоведческих, культурологических, источниковедческих, социально-экономических и др.), которые отражают многогранность проблемы существования и развития Понтийского государства.

Следующая историографическая линия связана непосредственно с личностью Митридата Евпатора. Необходимо отметить, что в процессе научных изысканий его личность и действия получают ряд интерпретаций различного характера. Так, исследователи XIX века рассматривали Митридата

как врага римлян в частности, и всей европейской цивилизации в целом. В этом русле понтийский царь сравнивается с султанами Османской империи, в нем усматривается восточный, «азиатский» по своим привычкам и нравам правитель. В XX веке появляется противоположная точка зрения. В ней Митридат выступает как последний из защитников греческой культуры от распространяющегося римского влияния и особенно римской экспансии. Исследователь Л. Самерер, рассматривая в своей статье процесс использования и изображения образа Митридата в европейской культуре XV-XX веков, приходит к выводу, что интерпретация личности Митридата в научных работах XIX-XX веков находилась в зависимости от политических обстоятельств этого времени, а также индивидуальных убеждений и предрассудков исследователей [30, с. 32-33].

Можно констатировать, что сегодня произошел определенный отход от этих концепций, и образ понтийского правителя, как собственно и характер Понтийского царства, представляется более сложным и многосторонним [9, с. 110-111; 4, с. 71]. На территории Понтийского государства совместно существовали местное понтийское население, персидская племенная знать, жители греческих городов-государств. Каждому из этих субстратов были присущи свои культурные традиции, и в рамках этого многостороннего государства Митридат не мог не использовать элементы культуры подвластных ему народов для сохранения своего властного положения. Он мог выступить и как в ипостаси легендарного греческого героя, и как хранитель традиций персидской знати. Вероятно, для оказания определенного влияния на местное население понтийский правитель использовал местные храмовые комплексы.

Манипуляция образами или, так сказать, «инструментами влияния» прослеживается в монетном чекане Понтийского царства и подвластных территорий, в скульптурных и других рельефных изображениях, в символике, сопровождающей изображения правителя, в том, что давало визуальный эффект. Создание образов характерно и для письменных источников.

Одними из первых, кто прибег к анализу письменных источников по интересующей нас теме, были исследователи Понтийского царства Митридатидов – Э. Мейер, А. фон Гутшмидт. Позже более тщательную характеристику античной письменной традиции приводит Т. Рейнак, на фундаментальный труд которого ссылаются до сих пор [29, s. 417-456; 19, с. 8]. В частности, деление античной литературной традиции на два течения – римское и понтийское – считается основополагающим в источниковедческих исследованиях. М. И. Ростовцеву принадлежит источниковедческий обзор по истории Скифии и Боспора, где, в частности, исследователь анализирует характер письменных источников по истории Понтийского царства. Следующий значительный шаг был сделан в связи с публикацией сочинений античных авторов или тематических собраний сведений из этих сочинений. В процессе подготовки этих материалов конкретизируются источниковедческие данные, даются суммирующие комментарии и обобщающие статьи. По вопросам характеристики сведений античных сочинений об эпохе Митридата существует ряд специальных исследований, сравнений и аналитических выводов.

Сочинения древних авторов, так или иначе затрагивавших личность Митридата, подавали его с римской или понтийской точек зрения. Такое соотношение письменной традиции вписывается в контекст противоборства двух держав, когда творчество писателей подчинялось необходимости отображения политических обстоятельств. Главное отличие римской и понтийской письменной традиций – тенденциозное освещение событий в пользу одной из сторон. Оно прослеживается в завышенных или заниженных оценках численности войск и военных потерь, в характеристиках персонажей или событий, в наличии или отсутствии дополнительных описаний. Мы не можем утверждать, что произведения одного автора, особенно более позднего времени, полностью принадлежат к той или иной традиции. Основная причина – использование нескольких источников, в том числе разнохарактерных. Письменные источники, повествующие о Митридате довольно многочисленны

и разнообразны. Так, о Митридате имеются сведения в сочинениях Страбона, Аппиана, Мемнона из Гераклеи, Плутарха, Цицерона, Веллея Патеркула, Юстина, пересказывающего Помпея Трога, а также в сочинениях других не менее значимых авторов. Они писали в различное время и на разные темы, но в их трудах можно проследить некоторые однотипные моменты. Это объясняется как наличием одинаковых источников, так и определенным стереотипом взглядов на отдельные вопросы. Но характеризуя эти произведения необходимо учитывать своеобразность каждого труда.

Первыми рассмотрим речи Марка Тулия Цицерона [24]. Это современный Митридату материал. В них он повествует о понтийском царе, о войне с ним и о других смежных темах преследуя свои цели. В «Речи о предоставлении империи Гнею Помпею» Цицерон доказывает необходимость предоставления чрезвычайной империи (военной власти) этому полководцу [26, с. 198]. Оратор говорит о долге римлян победоносно закончить эту войну, об интересах Рима в ней, о тяжелом характере этого военного столкновения, о необходимости назначить именно Помпея на должность командующего. Для того, чтобы произвести эффект на публику, Цицерон указывает на оскорбления, нанесенные римлянам Митридатом, на те злодеяния, которые остались без должного наказания (III. 7; V. 11, 12). Под злодеяниями имеются в виду зверское содержание в плену посла римского народа и консуляра и, конечно, казни римских граждан во всей Азии. Он пишет о страшной опасности, которой подвергаются жизнь и достояние союзников, упоминая Ариобарзана, царя Каппадокии, о просьбе о помощи городских общин во всей Азии и Греции. Таким образом, Митридат выступает как злостный жестокий самоуправный самодержец, победоносная война над которым просто дело чести для римского народа. Что требуется направить все усилия к ведению войны с ним, так как римляне защищают славу своего имени, неприкосновенность союзников, свои важнейшие государственные доходы, благосостояние многих своих сограждан, тесно связанное с интересами государства (VII.19).

Дальше Цицерон говорит о трудностях этой войны. В подтверждение своей мысли он повествует о том, что Митридат, оставленный в покое после первой войны, подготовился к следующей, собрал многочисленные войска и снабдил их всем необходимым. Оратор особенно отметил ярость и ненависть, которой пылают сам понтийский царь и его войска. Возможно, чтобы усилить эти моменты, автор речи несколько раз напоминает, что их противник обладает несметными сокровищами, а именно грудями золота, серебра и драгоценностей, которые достались ему в наследство от предков или были награблены во время войны в Азии (что также оскорбительно для римлян). Показывая слабые стороны личности Евпатора, Цицерон акцентирует внимание на том, как ведет себя Митридат поверженный. Царь показан униженным просителем. Слабость характера противника усиливается упоминанием о его страхе перед римским полководцем и бегстве. Для большего эффекта подчеркиваются его упавший дух, утраченные бодрость и былые надежды (IX. 22), которые были восстановлены только благодаря Тиграну, царю Армении.

В продолжение повествования о трудностях военных действий, Цицерон говорит о той ситуации, что сложилась после изгнания Митридата из царства его отца и дедов. Среди народов и племен Азии был пущен слух, что римское войско вошло в их страну для разграбления богатейшего и благоговейно чтимого храма. Согласно исследуемой речи, многие сильные племена поднялись, охваченные небывалым ужасом и страхом. Таким образом, Митридат получает поддержку в виде войск не только своего царства, но также и от других царей и народов. Цицерон даже приводит объяснение этому. Обычно несчастья, случившиеся с царями, у многих вызывают сострадание и деятельное участие, в особенности таких же царей или тех, кто живет под царской властью, так как царское имя для них священно. Автор приходит к выводу, что именно благодаря этой поддержке побежденный Митридат смог совершить то, о чем он до своего поражения даже не смел мечтать. Но Евпатор не удовлетворяется этим неожиданным подарком судьбы и продолжает нападать на римлян. И как бы усиливая трагичность положения, оратор

останавливает внимание на трудностях войны, которую соединенными силами ведут могущественные цари, объединяют уже восставшие против римлян народы и вовлекают новые.

В другой речи Цицерона, прочитанной в защиту Луция Лициния Мурены в суде во второй половине ноября 63 г. до н.э., также сталкиваемся с повествованием о Митридате и войне с ним [26, с. 199]. Но теперь мы видим другой стиль изложения материала. Этой речью Цицерон оправдывал правомерность назначения Луция Мурены на должность консула. В доказательствах он упоминал, в частности, воинские заслуги консула во время войны, когда тот был легатом под руководством Луция Лукулла. Критикуя противников, утверждавших, что в памятной войне с Митридатом, римские полководцы сражались с женщинами (В защиту Мурены. XIV. 31), Цицерон утверждает обратное. Для демонстрации успехов полководцев, в частности Мурены, писатель воспеваеет могущество их врага, Митридата. Он акцентирует внимание слушателей на личности царя и его действиях и таким образом ставит его выше всех других царей, с которыми римский народ вел войны (В защиту Мурены. XV.32). Митридат сражается с великими полководцами, и они не могут уничтожить его. Царь выступает как сложный противник, затративший несколько лет на составление плана войны и подготовку для её ведения. И только при Лукулле, под руководством которого служил Луция Мурена, в тяжелых сухопутных и морских сражениях силы Митридата истощились. Но и после этого царь сохраняет свое могущество. Он был настолько изворотлив и влиятелен, что заключил союз с царем Армении и получил его помощь.. Но и после жесточайшего сражения между Помпеем и Митридатом, в котором последний потерпел поражение, Евпатор сохранил за собой царский сан (В защиту Мурены. XVI. 34). Поэтому Помпей, овладев самим царством и вытеснив врага из всех значительных поселений, считал, что война завершится только тогда, когда Митридата не будет в живых. Подводя итог, Цицерон характеризует Митридата, как врага, с которым в течение стольких лет, в стольких сражениях, столько императоров вело войны, врага, которому, пока

он был жив, хотя и был изгнан и вытеснен отовсюду, придавали такое значение, что сочли войну законченной только после известия о его смерти. Он характеризует его как врага, которого не следует презирать.

Таким образом, мы видим, что Цицерон трактует данные в своих целях. В одной речи Митридат выступает как жестокий, но не бесстрашный правитель, имеющий огромные средства для ведения войны и большую поддержку от многочисленных царей Азии, правитель, безнаказанно совершающий злодеяния и, соответственно, требующий наказания, которое может осуществить только Гней Помпей. В другой же понтийский правитель предстает как могущественный и негиббемый царь, победа над которым славна не столько самим фактом победы, сколько значимостью побежденного.

Краткая двухтомная «Римская история» Веллея Патеркула [3; 15] содержит всего несколько упоминаний о Митридате. Одно из них представляет собой характеристику личности понтийского царя (II.XVIII.1). В нем говорится, что Митридат, царь Понта, человек, которого нельзя ни обойти молчанием, ни говорить о нем без внимания, в войне изощренный, славный доблестью, а подчас и воинским счастьем, всегда великий духом, вождь в замыслах, воин в бою, в ненависти к римлянам – Ганнибал, и, между прочим, замечается, что он, захватив Азию, уничтожив там всех римских граждан, начал войну. Кроме этой характеристики, Патеркул упоминает памятную всем войну (II.XXXVII.1), которую вел Гней Помпей против Митридата, пополнившего силы нового войска после отбытия Лукулла, а также подчеркивает, что последним из полноправных царей, побежденным Помпеем, оказался Митридат (II.XL.1).

Мы можем предполагать, что у Веллея Патеркула Митридат ассоциируется со знаменательным периодом в истории Рима, когда римская держава, распространяя свое влияние по миру, побеждала сильных и могущественных противников. Сравнение Митридата с Ганнибалом наталкивает на возможное сравнение Митридатовых войн с Пуническими, и таким образом, соотносится с эпохальным соперничеством Рима и Карфагена.

Далее рассмотрим двух античных авторов, сочинения которых представляют отличную от римской традицию. Это Страбон и Мемнон, которых, если права версия о Мемноне [6, с. 284] как о современнике Гая Юлия Цезаря, можно отнести к I в. до н.э.-I в. н.э. «География» Страбона, хотя это не исторический труд, дает некоторую информацию исторического характера о Митридате Евпаторе, которая дает возможность сформировать образ этого царя. Среди источников Страбона находят местных понтийских авторов [23], и, таким образом, предполагают наличие в его труде пропонтийских элементов. Но, вероятно, Страбон подверг эти источники определенной критике, изъяв «ненужные» сведения промитридатовской пропаганды и дав соответственно нейтральное описание исторических событий. Географ упоминает о воспитании Митридата в греческом городе Синопе, о могуществе и богатстве понтийского царя, тем самым отмечая непростой характер противника Римской республики. У Страбона также находим интересное замечание насчет распространения власти римлян. Рассказывая об участии, постигшей Азию, он пишет о том, как выступая против перехода азиатских областей под власть римлян, Митридат поднял восстание, но потом был устранен (VI.IV.2). Отсюда следует, что понтийский царь выступает здесь как глава сопротивления римскому владычеству.

Мемнон, историк Гераклеи [10; 5], представляет свою точку зрения о Митридате. Как отмечается, он не был в курсе римских дел и, следовательно, не использовал большого количества римских источников. Но он дает такую характеристику царю, которая представляет его не с очень хорошей стороны. Описывается его кровожадный характер, хитрость, бесчестие в соблюдении клятв (XV.XXX.1-3). Отмечается, что после расширения подвластных территорий Митридат чрезвычайно возгордился и стал строить различные планы и принимать меры к усилению в ущерб Риму. В описания военных действий вводятся рассуждения о судьбе Митридата, характеризующейся сменой удач и поражений (XV.XXXIX.3; XLIV.1), что, возможно, является объяснением перипетий борьбы двух равных по силе противников. Интересно

описываются взаимоотношения между Митридатом и Тиграном Армянским. Мемнон отмечает уважение и поддержку, может быть и страх, со стороны Тиграна к старшему товарищу и отцу его жены. Мемнон приводит приблизительное содержание ответа Тиграна на требование выдать Митридата, в котором армянский царь отказал под предлогом боязни совершить неблагородный поступок по отношению к родственнику, но при этом признал, что сам знает, насколько Митридат плох. В дальнейшем Митридат одобрил и утешил Тиграна после его поражения и посоветовал продолжить борьбу против римлян, конечно, не обойдя и себя. И Тигран, признав превосходство, авторитет и доблесть понтийского царя, поручил руководство всеми силами последнему.

Страбон и Мемнон предоставляют особую точку зрения о Митридате, отличную от римской и не являющейся пропонтийской. Они представляют местную греческую традицию настороженного отношения как к римскому, так и понтийскому изложениям событий.

Эпитама сочинения Помпея Трога [27] содержит пропонтийскую позицию. Она повествует о римско-понтийском столкновении и первых годах войны, самых успешных для Митридата. Но перед этим дается краткая характеристика понтийского царя – что-то вроде хвалебной речи, которая представляет Евпатора непобежденным. И, чтобы продемонстрировать особую роль этой исторической личности, Трог рассказывает о знаменьях при рождении царя, о его воспитании – полном опасностей, которые закаляли характер будущего правителя, и особенно о формировании у Митридата нечувствительности к ядам (XXXVII.2.1-3) [9, с. 106].

Примечательные сведения о знаменьях при рождении Митридата в юности и уже в зрелые годы переданы также Плутархом (Моралии. 624 В). Они дополняются упоминанием о страшном бедствии, постигшем Боспор в последний год жизни царя (Орозий VI.5.4; Дион Кассий XXXVII.11.4). Все эти природные и неприродные, чудесные и не чудесные явления связывались с личностью Митридата и объясняли его величественную роль или

божественную сущность. Анализируя эти данные, С. Ю. Сапрыкин приходит к выводу о создании в последние годы жизни Митридата биографического сочинения, воспевающего божественную сущность этого правителя [20, с. 85-92].

У Трога Митридат представлен как жаждущий расширения своих владений царь. С этой целью он обращает внимание на различные регионы окружающие его государство и проводит довольно активную и независимую внешнюю политику. Повествование Трога о завоевании скифов Митридатом привлекает особое внимание. М. И. Ростовцев определил, что Помпей Трог проявляет не только интерес к скифам, но и совершенно оригинальную симпатию к этому народу [17, с. 118-119]. Разбирая идеализирующую характеристику скифов у Юстина, исследователь указал на то, что она прошла через стадию, во-первых, чистой теоретизации, во-вторых, определенного оттенка политической идеализации, возникшей в среде историков Александра, противопоставивших роскошь и тиранию Александра простоте и свободолюбию скифов. Та же тенденция наблюдается и в политической истории скифов у Помпея. Но эта идеализация имеет не одну точку зрения, которую мы наблюдали у историков Александра. Тенденция автора не только антимакедонская – в ней скрыта, может быть, не вполне сознаваемая Помпеем тенденция антиримская в духе и в интересах государств, основа которых была иранская. Прославление Митридата, содержащееся также в его знаменитой речи, конечно, не случайно. Материал для него мог быть почерпнут из историков Митридата, писавших в этом духе. Как когда-то дружественные Македонии и Александру историки использовали сюжет покорения или подчинения ему скифов для возвеличивания своего героя, заставившего покориться себе лучших, так историки Митридата в толковании тех же фактов пользовались идеализацией скифов для прославления своего героя – Митридата.

В традиции Помпея Трога, таким образом, намечаются следующие слои:

- традиция эпохи Александра, ему дружественная – отсюда, в общем, идеализация скифов и подчеркивание их непобедимости;

- антимакедонская традиция позднейших историков Александра – отсюда другое толкование эпизода с Филиппом, забвение сношений Александра со скифами и выдвигание поражения Зопириона;

- наконец, как третий слой, восходящий к историкам Митридата, – идеализация этого царя и представление его как единственного победителя скифов.

Но Помпей Трог не только прославляет царя, он упоминает и о злодейском убийстве Митридатом своей жены и других коварных деяниях. Хотя в другом месте супруга изображается виновной в преступлении против царя и мужа и понесшей за это соответствующее наказание. Это можно объяснить использованием автором «Истории Филиппа» различных источников. Следующим промитридатовским местом в труде Помпея Трога является изложение речи понтийского правителя, где приводится обоснование Митридатом войны против Рима и воодушевление в связи с этим понтийского войска.

Вполне понятно, что наиболее авторитетные из сохранившихся до нашего времени свидетельств о борьбе Рима с Митридатом, главным образом из Аппиана и Плутарха, лежат в русле римской традиции.

Плутарх [16] часто пишет о том, чему другие уделяют мало внимания. Это характер героев, их привычки, мелкие бытовые детали, позволяющие много узнать о личности персонажа. Митридат у Плутарха упоминается в шести биографиях знаменитых римлян. В них он описывается в основном с плохой стороны как трусливый, слишком заносчивый и горделивый, коварный и жестокий восточный царь, но есть места, где понтийский правитель выглядит могущественным и богатым, хитрым и довольно умным, а главное – стойким к неудачам противником. Особо интересными моментами в повествовании Плутарха являются сцены встреч и переговоров Митридата со знаменитыми римлянами: Марием, Суллой, Серторием (Марий, XXXI; Сулла, XXIV;

Серторий, XXIII, XXXIV). Здесь проявляется то превосходство над остальными людьми, проявляемое в речах и действиях, которым наделяли граждан Рима. Знаменательны приводимые Плутархом сравнения Митридата то с Ганнибалом (Тит, XXI), то с Пирром (Серторий, XXIII), но здесь биограф передает чужие взгляды. Также Плутархом употребляется такое понятие как Митридадовы пороки и страсти (Сулла, XIII), из которых он приводит как пример наглость и жестокость. Можно предположить выделение античными мыслителями некоего комплекса негативных качеств человеческой души, взявшими в качестве примера имя понтийского правителя. Причем для этого могли использоваться тайные записи Митридата, найденные Помпеем. В противовес знамениям, вещающим о славной судьбе Митридата, Плутарх приводит «отрицательные» явления, знаменующие будущие несчастья (Сулла, XI; Помпей, XXXI).

Самое обширное повествование о Митридате дает Аппиан в одной из частей его «Римской истории» под названием «Митридадовы войны» [1]. Уже название части исторического труда свидетельствует, что войны с Митридатом занимали значимое место в римской истории, хотя бы во время Аппиана. Аппиан – автор II в. н.э., грек, уроженец Александрии, достигший больших успехов в своей гражданской карьере. При написании своего труда он, вероятно, использовал позднейших авторов – историков конца I в. до н.э. – начала I в. н.э. Среди его источников предполагают произведение Тита Ливия, содержащее сведения из трудов старших и младших современников Митридата: Луция Корнелия Суллы, Публия Рутилия Руфа. Также, используя другие источники, Аппиан представил нам данные Саллюстия, Посидония и других авторов.

Аппиан являет проримскую традицию в изображении Митридата, которая изображает Митридата как коварного преступника и опасного врага. В заключительном слове, которое Аппиан посвящает Митридату (Митридадовы войны, 112, 113), говорится о великих делах, о его телесной крепости, о его незаурядных умственных способностях и его отношении к врагам и друзьям.

Особенно подчеркивается его невероятная жестокость к членам собственной семьи, которые, впрочем, также совсем недобродушно настроены к нему.

Писатель приводит описание самого жестокого преступления, которое было совершено Митридатом. Оно вошло в историю под названием «Эфесская вечерня» (Митридатовы войны, 22, 23). Всем наместникам в завоеванных провинциях, а также магистратам свободных городов царь приказал в течение 30 дней после составления царского рескрипта уничтожить всех италиков любого состояния – свободных, вольноотпущенников и рабов, мужчин, женщин или детей – без разницы. По преданию, это жестокое избиение унесло 80 тысяч жертв. Этот, вероятно, политический акт стал краеугольным камнем в изображении Митридата как безжалостного и кровожадного царя.

Но в повествовании Аппиана есть моменты, которые свидетельствуют о не абсолютно проримской позиции автора. Это, в первую очередь, пересказ переговоров послов Митридата с римским сенатом (Митридатовы войны, 13-15), в которых передаются замечания понтийского правителя по поводу односторонней политики Рима. Также приводится воспламеняющая речь Митридата перед войском, конечно, не такая обширная как у Помпея Трога, но также без римского противопоставления (Митридатовы войны, 70). Рассказывая о последних днях Митридата и его смерти, Аппиан читает панегирик этой исторической фигуре и упоминает все положительные качества понтийского царя.

На этом фоне преобладания двух представленных выше традиций попытаемся обратить внимание на самостоятельное «звучание» отдельной греческой традиции. Прежде всего, такие послышки получаем на основе анализа труда Мемнона. Первая отличительная черта греческой традиции – нейтральное отношение, как к Риму, так и к Понту. Эта позиция, возможно, присутствует и в «Географии» Страбона. Здесь она характеризуется использованием различных источников, а также особым мнением по поводу захватнической политики активных соседей греческих городов (зависимых или ещё независимых) – речь идет о победоносном Риме и Понтийском царстве.

Эту тенденцию можно, конечно, объяснить стремлением собственно авторов быть объективными в изображении того или иного явления .

И все же данное течение в античной литературе, вероятно, не нашло дальнейшего развития в связи с политическими событиями (господством римской власти) и находилось в русле римской письменной традиции.

Таким образом, рассмотрев письменные источники, подведем итоги. Исследователи уже давно выделили две литературные традиции: проримскую, следы которой имеются почти во всех античных сочинениях, и понтийскую, изображающую Митридата Евпатора защитником эллинизма перед угрозой римского завоевания. Последняя прослеживается наиболее хорошо у Помпея Трога.

Римская позиция, начиная с Цицерона, дает далеко не одностороннее представление о понтийском правителе. Это объясняется двойственным назначением римской литературной традиции – с одной стороны, оправдать свою деятельность на Востоке, с другой, прославить свои победы. Эти две тенденции имели дальнейшее продолжение в литературе.

На основе анализа труда Мемнона можно предположить о существовании третьей, собственно греческой традиции, отражающей политическую ситуацию. Эта позиция, возможно, имеет место и в «Географии» Страбона. Она характеризуется использованием различных источников, особым отношением к захватнической политике активных соседей. Такое отношение исходило из внешнеполитического курса зависимых или ещё независимых греческих городов, относящихся с опаской как к победоносному Риму, так и к расширению Понтийского царства. Это течение можно объяснить стремлением авторов быть объективными в изображении того или иного явления.

Источники и литература

1. Аппиан. Митридатовы войны / Аппиан // ВДИ. – 1946. – №4. – С. 239-287.
2. Бенгстон Г. Правители эпохи эллинизма / Г. Бенгстон, пер. с нем. и вступ. ст. Э. Д. Фролова; Акад. Наук СССР, Ин-т востоковедения. – М. : Наука, 1982. – 392 с.
3. Веллей Патеркул. Римская история. Книга вторая. / Веллей Патеркул, пер. и комм. А. И. Немировского // ВДИ. – 1985. – №1. – С. 227- 236.
4. Гуленков К. Л. Ориенталистическое и эллинистическое в семье Митридата Евпатора / К. Л. Гуленков // Античность: общество и идеи. – Казань, 2001. – С. 71-83. Электронный доступ: <http://science.e-kazan.ru/pub.details.php?DNSID=9218c7df4d044c34ccca38e2ffc4ed9d&pubid=81>
5. Дзагурова В. П. Введение [Мемнон. О Геракле] / В. П. Дзагурова // ВДИ. – 1951. – №1. – С. 283-288.
6. Зельин К. К. Помпей Трог и его произведение “Historiae Philippicae” / К. К. Зельин // ВДИ. – 1954. – №2. – С. 183-198.
7. Военна історія Північного Причорномор'я та Таврії. – Севастополь : Міністерство оборони України, 2011. – С. 110-121.
8. Короленков А. В. К характеристике письма Митридата в Historiae Саллюстия / А. В. Короленков // Политика, идеология, историописание в римско-эллинистическом мире. Материалы научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора Фрэнка Уильяма Уолбанка (Казань, 9-11 декабря 2009 г.). – Казань, 2009. – С. 102-105.
9. Макгинг Б. На рубеже. Культура и история Понтийского царства / Б. Макгинг, пер. О.Л. Габелко // ВДИ. – 1998. – № 3. – С. 97-112.
10. Мемнон. О Геракле / Мемнон, пер. В. П. Дзагуровой // ВДИ. – 1951. – №1. – С. 289-316.

11. Молев Е. А. Властитель Понта : монография / Е. А. Молев; Гос.ком. РФ по высшему образованию, Нижегород. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского. – Нижний Новгород: Изд-во Нижегород. ун-та, 1995. – 144 с.
12. Молев Е. А. К вопросу о происхождении династии понтийских Митридатитов / Е. А. Молев // ВДИ. – 1983. – №4. – С. 131-139.
13. Моммзен Т. История Рима / Т. Моммзен, авт. предисл. А. Горчаков. – СПб. : Лениздат, 1993. – 268 с.
14. Неверов О. Я. Иконография Митридата VI: Феномен портретной глиптики эллинизма / О. Я. Неверов // Мировая культура: Традиции и современность / отв. ред. Ю. В. Бромлей; Акад. наук СССР, Научный совет по истории мировой культуры. – М. : Наука, 1991. – С. 149-157.
15. Немировский А. И., Дашкова М. Ф. «Римская история» Веллея Патеркула / А. И. Немировский, М. Ф. Дашкова. – Воронеж : изд-во Воронежского ун-та, 1985. – 211 с.
16. Плутарх. Сравнительные жизнеописания / Плутарх. – М. : Эксмо-Пресс; Харьков: Фолио, 1999. – 1166 с.
17. Ростовцев М. И. Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических / М. И. Ростовцев, ред. Б. Фармаковский; Рос. Акад. истории материальной культуры. – Ленинград: Типография 1-й Ленинградской Труд. Артели Печатников, 1925. – 624 с.
18. Русяева А. С. Рецензия на: Сапрыкин С. Ю. «Понтийское царство. Государство греков и варваров в Причерноморье». Москва: Наука, 1996. 348 с. / А. С. Русяева. – ВДИ. – 1998. – №4. – С. 204-207.
19. Сапрыкин С. Ю. Понтийское царство: Государство греков и варваров в Причерноморье / С. Ю. Сапрыкин; отв. ред. Л. П. Маринович. – М. : Наука, 1996. – 348 с.
20. Сапрыкин С. Ю. Природные катастрофы и явления в идеологии Митридата Евпатора / С. Ю. Сапрыкин // ВДИ. – 1997. – №3. – С. 85-92.

21. Севастьянова О. И. Введение [Вступ. статья] / О. И. Севастьянова // ВДИ. – 1946. – №4. – С. 231-238.
22. Смыков Е. В. Рим и Митридат: Война, политика, идеология: автореф. дис. на соискание науч. степени канд. ист. наук: специальность 07.00.03 «Всеобщая история (история древнего мира)» / Е. В. Смыков; Саратовский гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского. – Саратов, 1996. – 18 с.
23. Страбон. География: В 17 книгах / Страбон; ред. С. Л. Утченко, пер. Г. А. Стратановского. – М. : Научно-издательский центр Ладомир, 1994. – 940 с.
24. Цицерон Марк Туллий Речи: в 2 т. / М. Т. Цицерон, ответ. ред. М. Е. Грабарь-Пассек, пер. В. О. Горенштейна. – Т. 1.: Годы 81-63 до н.э. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1962. – 444 с.
25. Шелов Д. Б. Города Северного Причерноморья и Митридат Евпатор / Д. Б. Шелов // ВДИ. – 1977. – №3. – С. 40-58.
26. Шелов Д. Б. Из античной литературной традиции о Митридатовых войнах: Посидоний и Цицерон / Д. Б. Шелов // История и культура античного мира: сборник статей / Акад. наук СССР, Ин-т археологии. – М. : Наука, 1977. – С. 197-201.
27. Юстин. Эпитома сочинения «Historiae Philippicae»/ Юстин, пер. А. А. Деконского и М. И. Рижского под ред. М. Е. Грабарь-Пассек // ВДИ. – 1954. – №2. – С. 183-202.
28. Mithridates VI and the Pontic Kingdom / Edited by Jakob Munk Højte. // Black Sea Studies. – Aarhus: The Danish National Research Foundation's Centre for Black Sea Studies University of Aarhus, 2009. – 372 p.
29. Reinach T. Mithradates Eupator. König von Pontos / T. Reinach. – Leipzig, 1895. – 488 s.
30. Summerer Lâtife. The Search for Mithridates. Reception of Mithridates VI between the 15th and the 20th Centuries / Lâtife Summerer // Mithridates VI and the Pontic Kingdom / Edited by Jakob Munk Højte. Aarhus, 2009. – P. 15-34.

Автор статті пропонує історіографічне дослідження різних напрямів в письмовій традиції про Мітрідата VI Євпатора. Підкреслюється традиційне виділення понтійської та римської ліній, що вписуються в контекст протиборств двох держав. Творчість письменників підкорялася необхідності відображення політичних обставин і реалій. Головна відмінність римською і понтійською письмових традицій – тенденційне освітлення подій на користь тієї чи іншої сторони. На тлі переважання двох відомих традицій автор звертає увагу на відносну самостійність окремої грецької традиції, представлені у творах Страбона і Мемнона.

Ключові слова: Мітрідат VI Євпатор, Понт, Рим, антична письмова традиція.

The author of the article offers historiography research of different directions in writing tradition about Mithridates VI Eupator. A traditional selection is underlined by Pontic and Roman lines that are written into the context of counteraction of two states. The works of writers was submitted to the necessity of reflection of political circumstances and realities. Main difference Roman and Pontic writing traditions is a tendentious illumination of events in behalf on one or another side. On a background predominance of two known traditions the author pays attention to relative independence of separate Greek tradition presented in Strabo's and Memnon's works.

Key words: Mithridates VI Eupator, Pont, Rome, ancient writing tradition.